
РАКУРСЫ

О.В. ПОПОВА, Н.В. ГРИШИН*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В САМООЦЕНКАХ И ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ¹

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного анализа состояния такой значимой политической установки массового сознания российской молодежи, как политическая идентичность. Авторы опираются на традиционное для политической науки понимание идентичности как соотнесение себя с определенными политическими взглядами, партиями, политиками и лидерами общественного мнения, а также определенными идеологическими ценностями. Статья написана на основе данных проведенных в октябре – ноябре 2022 г. онлайн-

* **Попова Ольга Валентиновна**, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: pov_64@mail.ru, o.porova@spbu.ru; **Гришин Николай Владимирович**, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: nvgrishin@mail.ru

¹ Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100043–9 «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски».

DOI: 10.31249/poln/2023.02.06

опроса российской молодежи и экспертного опроса ученых, представителей политической власти и политических молодежных активистов и лидеров. Массовый онлайн-опрос был основан на методе онлайн-анкетирования, при проведении экспертного опроса для сбора информации применен метод нестандартизованного интервью, для обработки – метод дискурс-анализа. Исследование показало сохранение значительной группы молодежи с несформированной установкой политической идентичности, а также неомоденность показателей политической идентичности в различных возрастных подгруппах поколений Z и Y. В современных условиях партии в качестве объекта политической идентификации непривлекательны для молодежи, а блогеры – лидеры общественного мнения таковыми являются. Показатели партийной идентичности российской молодежи существенно ниже показателей политических установок и ориентаций. Исключительно высоким остается запрос молодежи на ценность справедливости, которая сочетается в сознании молодых людей с ценностями свободы и прав человека. Результаты исследования свидетельствуют о существующем дефиците институтов политической социализации в процессе формирования политической идентичности российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь; Россия; политическое сознание; политическая идентичность; самооценка политических взглядов; эмпирическое исследование; экспертные оценки.

Для цитирования: Попова О.В., Гришин Н.В. Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 140–162. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.06>

Введение

Исследование политической идентичности остается одним из актуальных тем современной политической науки как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне [Александрова, 2017; Kahn et al, 2018]. Данная статья написана с целью оценки состояния политической идентичности российской молодежи в период, когда традиционные для большинства подгрупп этой возрастной когорты (в настоящее время возрастные границы молодежи определяются от 14 до 35 лет) сложности и сломы формирования политических взглядов [Nieuwenhuysе, Wils, 2015] дополнительно подвергаются испытанию за счет геополитической турбулентности и сложной комбинации происходящих экономических, социальных и политических процессов внутри России. Хотя политическая идентичность относится к достаточно устойчивой группе установок политического сознания [Сморгунов, 2012; Попова, 2017], однако многоплановые процессы и события 2022 г. не могли не повлиять на нее.

В статье представлены некоторые результаты массового онлайн-опроса российской молодежи (ноябрь 2022 г., метод сбора информации – онлайн-анкетирование, объем выборки – 1500 респондентов, выборка квотная, несвязанная, контроль за квотами осуществлялся по параметрам пола, возраста, федерального округа проживания) и экспертного опроса (конец октября – начало ноября 2022 г., метод сбора информации – нестандартизованное интервью, объем выборки – 30 экспертов; в группу экспертов были включены: а) отечественные исследователи с большим опытом научной работы по проблемам политического сознания и поведения молодежи; б) политики и политтехнологи, по роду своей профессиональной деятельности связанные с данной социально-демографической группой; в) молодежные активисты и руководители молодежных организаций с различными политическими взглядами, метод обработки – дискурс-анализ). Объем выборки определялся на основании принятых в политической науке методических стандартов проведения нестандартизованных, неформализованных экспертных интервью. Фактически во всех случаях общее количество экспертов указывается от 12 до 15 [Guest, Bunce, Johnson, 2006; Liu, 2018; Mosley, 2013; Soest, 2022]. В нашем случае объем выборки был достаточным. Отбор экспертов проводился с учетом уровня их знаний, практической включенности в анализируемые процессы; также учитывался принцип максимального территориального различия места работы респондентов. Достаточность числа экспертов была подтверждена и правилом «теоретического насыщения», согласно которому в случае обнаружения сходства / повторения точек зрения не связанных между собой экспертов количество проведенных интервью считается достаточным.

Теоретическая рамка

Для современной науки характерен подъем интереса к политической идентичности, ее теоретическим основаниям и поиску закономерностей влияния политической идентичности на политическое поведение и политическое доверие.

На современном этапе обострился теоретический спор между рациональным и экспрессивным подходами в понимании полити-

ческой идентичности, с явным преобладанием второго [Barteneche, 2020; Гришин, 2020]. Все большее распространение получает точка зрения, в соответствии с которой политическое и электоральное поведение объясняется не столько ретроспективными и рациональными оценками [Chen, Urminsky, 2019], сколько лояльностью населения к определенным политическим силам и идентификацией с ними [Slocum-Bradley, 2010; Kim, Han, Duhachek, 2018]. В частности, как указывают К. Ахен и Л. Бартельс, «партийная лояльность является общим, уникально мощным фактором массового политического поведения... Партийные установки, конечно, влияют на поведение при голосовании. Но помимо этого каждая партия выстраивает концептуальную точку зрения, с помощью которой ее избиратели могут понять политический мир» [Achen, Bartels, 2016, p. 72]. Партийную идентичность при этом не следует абсолютизировать и редуцировать к ней все политическое поведение [Rose, Mishler, 1998; Voix, 2007]. Например, К. Робертс отмечает: «Граждане, не идентифицирующие себя с существующими партиями, могут просто отказаться от участия в демократических процессах или могут без энтузиазма проголосовать за традиционные партии из-за сочетания гражданского долга, привычки или отсутствия предполагаемых альтернатив» [Roberts, 2018, p. 293].

В рамках данных исследовательских тенденций политические идентичности рассматриваются как системы привязанности граждан к политическим партиям, предлагающим своим избирателям политическую картину мира, которая помогает различать друзей и врагов, структурировать политические предпочтения [Huddy, 2001]. Понимаемые таким образом политические идентичности отличаются от кластеров политических установок и ориентаций. Политическая идентичность рассматривается как эмоциональная и экспрессивная привязанность к определенным группам (в частности, политическим партиям), которые прикладывают усилия для социализации избирателей в политический мир. Тем самым акцентируется внимание на отличии политической идентичности от политических установок и ориентаций, которые рассматриваются как существующие на индивидуальном уровне независимо от действий политических лидеров и партий.

В фокусе внимания современных ученых оказался также вопрос о влиянии политической идентичности на уровень политического доверия [Попова, Лагутин, 2019]. На основании ряда эмпи-

рических исследований было доказано, что политическое доверие к лидерам зависит от фактора политической идентичности, при этом не всегда представители чужих политических партий обречены испытывать к себе предвзятое отношение [Hernández-Lagos, Minor, 2020]. Предполагается, что межпартийный антагонизм, даже в его острых формах, не обязательно приводит к пессимизму в отношении предполагаемых действий представителей чужих политических групп [Djuyandi, Ramadhani, 2020]. В условиях современной политики различия в политической идентичности зачастую не препятствуют весьма парадоксальным сближениям и альянсам. К. Мелендез и К. Ровира Кальтвассер видят проявление этой тенденции в современном популизме, нередко характеризующемся формированием коалиций правых и левых политических сил, которым удается найти общие позиции в отдельных вопросах политики [Meléndez, Rovira Kaltwasser, 2019, p. 527].

Оживление теоретических споров о политической идентичности связано не только с попытками ученых переосмыслить этот феномен, но и с объективными процессами: политическая идентичность меняет свои формы, проявления и значимость для политического процесса.

Результаты исследования

Таблица 1

Самооценка политических взглядов молодежи и значимые идеологические ценности

Ценности	%
Либеральные	14,6
Социал-демократические	14,1
Консервативные	9,2
Коммунистические	8,1
Националистические	4,1
Анархистские	1,7
Другие политические взгляды	2,5
Не имею политических убеждений	25,0
Затрудняюсь дать ответ о своих политических взглядах	20,7

* Самооценка молодежью своих политических взглядов, %

Опрос показал, что суммарно 54,3% молодежи смогли определенным образом охарактеризовать свои политические взгляды. Преимущественно это мужчины, обладатели незаконченного

среднего образования, совмещающие учебу и работу, обладатели среднего уровня доходов, жители мегаполисов и крупных промышленных центров, молодежь из Центрального и Северо-Западных федеральных округов (с.з.с.о.¹ составили соответственно +3,1, +2,2, +2,4, +3,5, +2,9, +1,7, +2,5).

В таблице 1 мы видим значительные по величине группы молодежи, не имеющие, по их признанию, политических взглядов (25,0%), и тех, кто затрудняется каким-то образом свои политические убеждения определить (20,7%). 14,6 и 14,1% молодежи соответственно оценивают свои взгляды как либеральные и социал-демократические, 9,2 считают себя консерваторами, 8,1 – коммунистами, а 4,1% молодежи идентифицируют себя как националисты. В пределах «статистической погрешности» – группа считающих себя анархистами. 2,5% респондентов заявили, что у них другие политические взгляды. Необходимо отметить, что молодежь подчас не различает понятия «либеральные» и «социал-демократические» взгляды, реагируя во втором понятии на последнюю часть слова.

Статистически значимые стандартизованные остатки в комбинированных таблицах показывают скрытые закономерности. В результате анализа социально-демографических и статусных характеристик определенным образом идентифицирующей свои политические взгляды молодежи получился следующий «портрет» типичных сторонников определенной идеологии.

Молодые либералы с большой вероятностью – люди в возрасте от 18 до 24 лет, не работающие студенты вузов, жители мегаполисов, представители населения Северо-Западного и Сибирского федеральных округов (с. з.с. о. равны соответственно +1,8, +2,4, +2,7, +2,2, +2,2, +2,5). Несколько меньшая вероятность встретить тех, кто считает себя либералом, среди людей в возрасте от 30 до 35 лет, обладателей неполного среднего образования, учеников школы, жителей небольших населенных пунктов в сельской местности, населения Приволжского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно –2,6, –1,7, –2,2, –2,1, –2,3).

¹ Здесь и далее с.з.с.о. – статистически значимый стандартизованный остаток – показатель, фиксирующий наличие скрытых закономерностей, основанных на степени отклонения реальных значений от вероятностных. Статистически значимой признают величину, равную или большую по модулю, чем 1,65.

Склонны оценивать свои взгляды как социал-демократические обладатели незаконченного высшего, а также нескольких высших образований, одновременно получающие образование и официально трудоустроенные, хорошо обеспеченные, кто не только легко может приобрести бытовую технику и товары длительного пользования, но и машину, жители мегаполисов и крупных областных промышленных центров, а также молодежь из Сибирского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +1,8, +2,3, +2,1, +2,1, +1,6, +1,7, +1,8). Реже, чем в других группах, можно обнаружить считающих себя социал-демократами среди наименее обеспеченной молодежи и жителей сел и деревень (с.з.с.о. равны соответственно -2,1, -2,3).

«Типичный портрет» носителя консервативных взглядов – мужчина в возрасте 30–35 лет с высшим образованием, из очень обеспеченных людей, житель Уральского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +2,6, +3,3, +2,1, +5,8, +2,1). Меньше всего тех, кто считает себя консерваторами, среди женщин, молодежи в возрасте от 14 до 17 и от 25 до 29 лет, обладателей неполного среднего образования, учеников школ и учащихся лицеев, техникумов, колледжей, училищ, тех, кому денег хватает только на продукты питания, жителей Сибирского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно -2,6, -3,0, -2,0, -1,8, -1,8, -3,4, -2,3).

В большей степени, чем другие группы, склонны оценивать свои политические убеждения как коммунистические мужчины, официально работающие по трудовой книжке, люди малообеспеченные, которым, по их оценке, денег хватает только на продукты питания, жители Северо-Западного федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +1,7, +1,9, +2,2, +4,1). Наименьшее количество сторонников коммунистических взглядов среди молодежи – у людей в возрасте 18–24 лет, не работающих студентов вузов, жителей Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно -1,7, -2,0, -2,3, -1,6, -2,3).

О наличии у себя националистических убеждений чаще говорят мужчины, молодежь в возрасте от 14 до 17 лет, ученики школ, колледжей, училищ, техникумов, лицеев, а также обладатели незаконченного высшего образования, в достаточной степени материально обеспеченные, жители Северо-Кавказского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +3,2, +2,5, +2,1, +2,3, +2,2, +3,9, +1,7). В меньшей степени склонны признаваться в

националистических взглядах женщины, обладатели высшего образования (с.з.с.о. равны соответственно $-3,1, -2,9$).

Доля молодежи, считающей себя аполитичной, достаточно велика, поэтому можно было предположить, что их достаточно много среди представителей всех социальных слоев населения. Тем не менее некоторые особенности их социально-демографического и статусного профиля выявить удалось. Склонны считать, что они абсолютно свободны от каких-либо политических взглядов, женщины, малообеспеченные люди с доходом только на продукты питания, жители поселков городского типа, молодое население Поволжского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно $+1,6, +2,6, +2,2, +1,6$). Меньше всего тех, кто считает себя аполитичным, среди молодежи в возрасте от 21 до 24 года, людей со средними доходами, проживающих в мегаполисах и крупных промышленных центрах (с.з.с.о. равны соответственно $-1,8, -1,9, -1,7$).

Наибольшие сложности с самоидентификацией своих политических взглядов склонны испытывать девушки, молодежь в возрасте от 14 до 17 лет, ученики школы, обладатели неполного среднего и среднего профессионального образования, жители небольших городков, сел и деревень, молодое население Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно $+3,2, +2,5, +3,2, +2,7, +2,9, +1,6, +3,6, +2,9, +2,5$). Наименьшие затруднения с оценкой своих политических убеждений испытывают молодые мужчины, обладатели незаконченного высшего и высшего образования, одновременно работающие и учащиеся, имеющие средние и высокие доходы, жители мегаполисов и крупных промышленных центров (с.з.с.о. равны соответственно $-3,3, -2,0, -1,6, -2,8, -3,5, -2,6, -2,9$).

Как мы видим, наиболее существенными критериями различий самооценки политических взглядов являются такие характеристики, как возраст, уровень образования и тип населенного пункта – места проживания. Безусловно, за этими показателями проглядывают такие параметры, как жизненный опыт, образовательный капитал и социальные ресурсы.

Однако действительно важным при обсуждении политической идентичности является вопрос, в какой степени самооценка молодежью политических взглядов подкрепляется ориентацией на те или иные идеологические ценности.

Методической особенностью проведенного онлайн-опроса в этой части являлось то, что респондентам предлагалось выбрать не более пяти значимых для них ценностей. Отбор в окончательный список для анкеты ценностей осуществлялся с учетом того, что выбор респондентами определенного набора ценностей позволяет определить их склонность к той или иной идеологии. Так, например, выбор позиций «интересы Вашей этнической группы», «сохранение традиций» и «порядок» свидетельствуют о склонности к идеологии национализма. Выбор ценностей «свобода», «права человека», «интересы отдельных граждан», «реформы в обществе» свидетельствует о склонности к идеологии либерализма. Выбор ценностей «интересы государства», «справедливость», «законность», скорее всего, сочетается со склонностью к социал-демократическим взглядам.

В результате проведенного рейтингования (таблица 2) самой значимой оказалась ценность справедливости (80,9% – 1-я позиция в рейтинге), следом с определенным отрывом расположились права человека (70,9% – 2-я позиция в рейтинге), свобода (63,3% – 3-я позиция в рейтинге), законность (53,7% – 4-я позиция в рейтинге), порядок (52,8% – 4-я позиция в рейтинге). Все остальные ценности оказались значительно менее востребованными: пятую позицию заняла ценность сохранения традиций (33,8%), шестую – интересы государства (21,1%) и реформы в обществе (19,6%), седьмую – интересы граждан (9,8%) и интересы этнической группы, к которой принадлежит респондент (7,6%).

Таблица 2

Значимые политические ценности для российской молодежи, %

Вопрос: «Что для Вас ближе (отметьте не более 5 вариантов)?»

Ценность	% от числа опрошенных	Позиция в рейтинге
Справедливость	80,9	1
Права человека	70,9	2
Свобода	63,3	3
Законность	53,7	4
Порядок	52,8	4
Сохранение традиций	33,8	5
Интересы государства	21,1	6
Реформы в обществе	19,6	6
Интересы отдельных граждан	9,8	7
Интересы Вашей этнической группы	7,6	7
Другие политические ценности	1,4	8
Затрудняюсь ответить на вопрос о политических ценностях	2,7	

Хотя ценности «справедливость» и «права человека» оказались самыми массово распространенными и популярными у российской молодежи в настоящее время, все же оказалось, что есть подгруппы молодежи, которые более чувствительны к ним, чем другие. Так, в наибольшей степени положительно относятся к ценности справедливости молодые люди 30–35 лет, а к тезису о правах человека люди в возрасте 21–24 лет, слабо обеспеченные, чьих доходов хватает преимущественно на продукты питания (с.з.с.о. равны соответственно +1,6, +2,7, +1,6, +2,1).

К теме свободы особенно чувствительны молодежь в возрасте от 18 до 24 лет, не работающие студенты вузов, люди с очень скромными доходами (с.з.с.о. равны соответственно +1,7, +2,2, +2,1, +1,6).

Тема законности близка представителям практически всех подгрупп российской молодежи, однако в меньшей степени она интересует людей в возрасте 14–17 лет, а также жителей Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно –1,7, –1,8, –2,4).

К ценности «порядок» более чувствительна молодежь в возрасте 30–35 лет, официально трудоустроенная на постоянное место работы, а также жители ПТГ (с.з.с.о. равны соответственно +2,5, +1,9, +1,9).

За сохранение традиций также особо активно склонны ратовать люди в возрасте от 30 до 35 лет, обладатели начального и среднего профессионального образования, официально трудоустроенные, а также молодые жители Дальневосточного федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +4,8, +1,7, +2,0, +2,1, +2,0).

В несколько большей степени, чем другие группы, склонны считать приоритетными интересы государства молодежь в возрасте 30–35 лет, обладатели высшего образования, одновременно работающие и получающие образование, люди хорошо обеспеченные, жители Центрального и Северо-Западного федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно +2,9, +2,6, +1,6, +5,0, +2,0, +2,0).

Ценность реформ особенно привлекательна для молодых мужчин, людей в возрасте от 21 до 29 лет, официально трудоустроенных и одновременно получающих образование, обладающих доходами, которые легко позволяют им приобретать товары длительного пользования и дорогую бытовую технику, жителей мегаполисов и крупных промышленных городов, представителей Северо-Западного и Сибирского федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно +3,0, +2,1, +1,6, +1,7, +4,8, +3,7, +1,7, +2,0).

К теме интересов отдельных граждан особенно чувствительна молодежь 18–20 лет, неработающие студенты вузов, обладатели незаконченного высшего образования, а также нескольких дипломов о высшем образовании, жители Уральского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +1,9, +1,7, +2,3, +1,9, +1,8).

Тема интересов своей этнической группы особенно близка молодым мужчинам в возрасте 18–20 лет, обладателям среднего профессионального и незаконченного высшего образования, для которых не является проблемой приобретение товаров длительного пользования и качественной бытовой техники, жители мегаполисов и крупных промышленных городов, молодежь из Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно +2,3, +2,4, +1,8, +2,3, +1,9, +1,6, +1,7, +2,3).

Только на первый взгляд кажется, что эти выявленные закономерности значимости тех или иных ценностей носят научно-абстрактный характер; опытные политические акторы могут использовать определенные слова-маркеры, обозначающие эти ценности, для установления контакта и доверительных отношений с аудиторией соответствующего типа.

Проведенный факторный анализ идеологических ценностей молодежи (табл. 3) выявил три латентных фактора.

Таблица 3

**Факторный анализ идеологических ценностей
российской молодежи (повернутая матрица компонентов)^а**

	Компонент		
	1	2	3
Свобода	+0,779		
Интересы государства	-0,717		
Права человека	+0,609		
Справедливость		+0,669	
Законность		+0,559	
Интересы Вашей этнической группы		-0,418	
Реформы в обществе			-0,687
Сохранение традиций			+0,642
Порядок			+0,516
Интересы отдельных граждан			-0,405
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. ^а			

а. Вращение сошлось за 5 итераций.

Первый по значимости фактор – «Противостояние индивида и государства» – показал, что наиболее важны для молодежи либеральные ценности, реализация которых в их сознании не только не связана с деятельностью государства, но, по их представлениям, интересы государства не направлены на соблюдение требований свободы и прав человека.

Второй по значимости фактор – «Либеральное понимание справедливости» – показал, что для молодежи исключительно важна единая мерка требований применения законодательства по отношению к каждому человеку.

Третий по значимости фактор – «Традиционализм» – фиксирует ценность для части молодежи сохранения традиций и обеспечения порядка в противовес реформированию общества и концентрации внимания на интересах отдельных людей.

Дополнительно проведенная процедура многомерного шкалирования идеологических ценностей (рис.) позволяет утверждать, что в сознании молодежи свобода носит в определенной степени анархистскую трактовку как свободы от всего, поскольку ей противостоит порядок. В то же время справедливость понимается как условие качественной жизни для всех, в то время как реализация интересов отдельной этнической группы трактуется как ее антипод, поскольку отражает интересы лишь достаточно узкой группы людей.

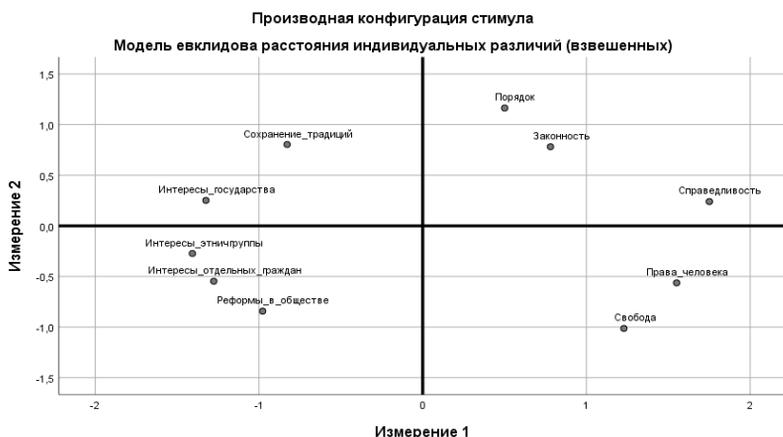

Рис.

**Многомерное шкалирование идеологических ценностей
в сознании российской молодежи**

Есть такая партия?

То, что казалось совершенно обыденным классикам теории партийной идентичности, знаменитой «Мичиганской четверке», а именно высокие показатели соотношения своих политических взглядов с программой и политикой определенной политической партии, готовность признать ее выражающей «интересы таких людей, как я», в реальности современной России после 30-летнего развития многопартийности в отношении поколений *y* и *z* просто не существует. Проведенный опрос показал, что только 18,1% молодых респондентов совершенно однозначно считают, что есть партия, выражающая их интересы. 41,3% российской молодежи убеждены, что в настоящее время таких партий в России нет, а еще 40,5% затрудняются с ответом.

В большей степени, чем другие группы молодежи, склонны к формированию установки партийной идентичности мужчины, обладатели более чем одного диплома о высшем образовании, официально трудоустроенные и продолжающие одновременно учиться, люди со стабильными средневысокими доходами (с.з.с.о. равны соответственно +2,3, +2,2, +2,0, +2,2). Указанные характеристики свидетельствуют о принадлежности этих людей к группе социально стабильных, социально благополучных людей.

В большей степени склонны считать, что «их» партии просто не существует, также мужчины, обладатели высшего образования, но при этом с очень низкими доходами, жители мегаполисов и крупных промышленных центров, жители Центрального и Северо-Западного федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно +2,3, +1,6, +1,9, +2,0, +1,8, +2,0).

Хотя корреляционный анализ трех переменных – идеологической самоидентификации, партийной идентичности и персонифицированной политической идентичности – не показал статистически значимых коэффициентов связи, однако на уровне стандартизованных остатков предрасположенность обладателей одного из уровней идентичности иметь сформированную соответствующую установку другого уровня идентичности была подтверждена.

Статистически значимых коэффициентов корреляции идеологической, партийной и персонифицированной самоидентификации с уровнем политического доверия не выявлено, однако на уровне статистически значимых стандартизованных остатков были

обнаружены следующие подтвержденные статистические зависимости: молодежь с наличием идеологического уровня идентичности редко имеет высокие показатели политического доверия (с.з.с.о. равен $-1,8$), а вот наличие партийной идентичности сопряжено со склонностью к нему (табл. 4). Вместе с тем необходимо помнить, что общее количество молодежи со сформированной партийной идентичностью является крайне небольшим.

Таблица 4

Уровень политического доверия молодежи с наличием / отсутствием партийной идентичности, % по строке

Партийная идентичность	Доверие отсутствует	Уровень доверия низкий	Уровень доверия средний	Уровень доверия высокий	Всего
Да	20,7 -1,9	22,5 -3,1	30,5 +1,9	26,3 +4,5	100,0
Нет	27,7	35,2	23,6	13,5 -2,1	100,0
Всего	26,4	32,9	24,9	15,8	100,0

Откровенно низкие показатели партийной идентичности российской молодежи – основание задаться вопросами об эффективности проводимой организацией молодежной политики партийным функционерам, отвечающим за работу с молодежью, и о привлекательности для молодежи современных российских политиков.

**Дискуссия экспертов:
есть ли шанс у действующих политиков стать
«своими» для молодежи?**

И онлайн-исследование, и экспертный опрос свидетельствуют о том, что для значительной части российской молодежи более привлекательны лидеры общественного мнения – блогеры, нежели политики. Во многом это связано с отсутствием у значительной части этой социально-демографической группы интереса к политике (... не осведомлена о политике и в этом большая проблема. Она не готова следить за политикой (ж., ученый)).

Эксперты убеждены в том, что политическая деятельность – это прежде всего обременение человека целой серией обязательств, не пользование благами власти, а жесткая самодисциплина. Именно

это – исходный пункт завоевания авторитета у молодежи (*Если ты становишься представителем органов государственной власти, совершенно отказываешься от того, что тебе хочется, ты должен себя жестко ограничивать* (м., политик)).

Не вызывает сомнения и то, что важными компонентами формирования персонализированного уровня политической идентичности молодежи является использование определенных технологий формирования имиджа политика (*Бывают яркие, открытые, доступные люди, которые выглядят внешне соответственно, нет пафосного образа, глубоко политизированного человека в костюме с галстуком, который постоянно носит какой-то нагрудный значок с символикой и выглядит, как какой-то государственный деятель. Есть политики, которые и во внешнем облике, и во внешнем образе своем доступны, открыты, при этом во внешнем образе не проявляется их финансовое состояние, потому что молодежь зачастую обращает внимание на элементы гардероба, на элементы одежды, в первую очередь, на разного рода аксессуары, которые могут стоить огромных денег... о каком равенстве вообще может идти речь, а это очень важно* (м., политик)).

Молодежи не интересен политик-функционер: тот, кто хочет стать «своим» для поколений у и z, просто обязан *быть, во-первых, харизматичным, во-вторых, сексуальным* (ж., политик).

Важнейшие шаги политиком, стремящимся стать «своим» для молодежи, должны быть предприняты именно в медийной среде (*...он должен переломать себя и стать медийно открытым, доступным, понятным, человеком, не совершающим ошибки в медийной среде* (м., политик)). Эксперты вменияют политику в обязанность образованность (*людям нужен образованный политик* (м., молодежный лидер)), техническую грамотность (*Это должен быть человек, который использует современные технологии и может с ними обращаться, человек, который понимает современные идеи, понимает, что хочет молодежь, может с ней говорить языком молодежи, смотреть на мир именно с ее точки зрения* (м., молодежный лидер)), владение многими умениями молодежи; свободное пользование сетями – одно из обязательных навыков (*...у молодых больше вызывают доверие люди, которые пользуются социальными сетями железно* (м., политик); *...быть информационно открытым в социальных сетях,* (м., политик)). Более того, молодежь ждет от политиков регулярного получения

ответов на свои вопросы (... [неплохо] если политик в неделю будет уделять время ответам на вопросы (м., молодежный лидер)). Стримы (прямой диалог онлайн) не менее важны, чем личные встречи; это – важный элемент формирования доверия (К тем политикам, чиновникам, которые вообще не ведут социальных сетей или ведут их редко, к ним доверие меньше (м., молодежный лидер)).

Политик должен уметь разговаривать с молодежной аудиторией на ее языке (... есть многие политики, которые разговаривать не умеют, к сожалению, просто банально общаться (м., политик)). Молодежь понимает это как показатель открытости политика (Открытость, как это называется, публичность, чтобы человек мог общаться, способность выступать, говорить с людьми, это тоже очень важно, когда человек может спокойно общаться на русском языке с представителями разных возрастов, и все его поймут. То есть способность сложные вещи объяснить просто (м., политик)).

Политик должен быть открытым и доступным для общения (... политик должен показывать публично, что он понимает их, что они могут к нему прийти, что они могут с ним сесть «чай попить / кофе», обсудить какие-то вопросы (ж., политик)). Именно это формирует персонализированное политическое доверие молодежи, что в свою очередь является основанием для установки идентичности с политиком. Идеальный политик в глазах молодежи – искренний и честный (Лгать ни в коем случае нельзя (м., ученый); ... это искренность, мораль, совесть (м., ученый); Доброжелательность означает честность, ну и там искренность какая-то, т.е. человекоориентированность (ж., ученый)). Молодежь очень чувствительная к неискренности (... очень заметна фальшь, когда человек общается неискренне, когда натягивает улыбку, когда говорит о вещах, в которые он сам особо не верит (м., молодежный лидер)).

Любовь к своей стране – остов, на который дальше можно нанизывать все что угодно (м., ученый) в плане формирования доверия молодежи к политику, а затем должна следовать эффективная работа, в обязательном порядке включающая элементы коммуникации с молодежью (Любые лозунги, любые слова, которые говорятся властью, должны последовательно выполняться или объясняться, почему они не выполняются. Это ответственность (м., ученый)). Эксперты убеждены, что политик должен в своей деятельности опираться на наиболее востребованный и, как

оказалось, молодежью в современном обществе принцип – справедливости (...действия, которые декларирует власть, должны быть справедливыми. Справедливыми, опять же, по нашему общему пониманию (м., политик)).

Даже если политик участвует в публичных неформальных мероприятиях с молодежью, это не гарантирует автоматически возможности сближения, поскольку политики очень часто совершают имиджевые ошибки (...приходит на какие-то площадки творческие, круглый стол, в круг молодежи в деловом костюме в туфлях и с «Ролексами» ... Это все! Ты не заслужишь у них никакого уважения, ты будешь с ними через границу. Ты ее поставил своим внешним видом только потому, что они чувствуют себя в кроссовках в джинсах как, извините, бедные «мышонки с коробочки», а ты пришел к ним с «Ролексами» (ж., политик)).

Эксперты убеждены, что именно политик при контактах с молодежью должен уменьшать дистанцию (м., ученый), подстраиваться, а не «вещать сверху» (Если мы говорим про манеру поведения, естественно, без снобизма, без какого-либо позиционирования себя как: «Я здесь, пришел к вам, это я вам сделал одолжение». Нет, нужно говорить о том, что одолжение сделали они, что пришли послушать, что я говорю, значит я вам интересен. Это здорово, классно, спасибо вам большое, что вы ко мне пришли (ж., политик)).

В известной степени при общении с молодежью политик должен быть уникальным (...это индивидуальность. Образ политика не должен повторять образ какого-то другого политика (м., молодежный лидер)), эпатажным (У нас есть такой интересный пример Владимира Вольфовича Жириновского, который у нас говорил по десять противоречащих друг другу вещей за час, которые у нас потом оказывались пророчествами – вот он назвал десять вариантов, один угадал: «Ух, ты, да человек – пророк». Вся его эпатажность для молодежи симпатична (м., молодежный лидер)), популистом, скрытым демагогом (...они воспринимают лишь картинку, как в клипах и кино. Апелляция к картинке, простыми словами указывая на виновных, и возможные пути преодоления, желательные простые – вот то, что нравится молодежи (м., молодежный лидер)).

Эксперты разошлись в вопросе относительно приоритетного варианта выстраивания отношений политика с молодежью – «горизонтальной сети» или все же «иерархической» с элементами демонстрации близости?

Часть экспертов настаивают на образе «такой как все». По их мнению, через формирующееся доверие политик (*...в первую очередь, это готовность общаться на равных, чтобы этот политик, условно говоря, был «один из нас». Ну вот, грубо говоря, как «тот парень из соседнего двора». То есть, когда он (или она) какой-то такой же, разделяющий судьбу, разделяющий ценности, могущий говорить на том же самом языке и т.д.* (м., ученый)).

Часть экспертов с этим не согласна. Для них в формировании идентичности с политиком на первом месте стоит его эффективность, но не с точки зрения успешного построения карьеры, а с точки зрения способности решать проблемы молодежи. Эксперты специально подчеркивали эгоцентричность большей части современной российской молодежи, которая ориентирована на обеспечение своих собственных интересов (*Те ценности, о которых мы говорили: достаточный уровень жизни, высокий материальный достаток, и, соответственно, какие-нибудь карьерные перспективы. Для молодежи это сегодня значимо, гораздо менее значимо то, что мы называем патриотизм* (ж., ученый)). Примечательно, что об эгоцентризме большинства представителей поколения *y* и *z* многие эксперты говорили, как о некоей данности, которую нельзя оценивать в парадигме «хорошо – плохо» или «правильно – неправильно». Это – данность, реалии сегодняшнего времени (*Для современной молодежи – это жизненный успех, который выражается в высоком уровне достаточности их и их семьи, но не более* (ж., ученый)).

Имиджевые характеристики не могут полностью решить вопрос с формированием доверия к политику и идентификации с ним. При создании имиджа «своего» политик должен демонстрировать эффективность, способность решать реальные проблемы молодежи (*Люди хотят видеть человека, который может решить их проблему. Люди относятся к политику как к спасателю* (м., молодежный лидер)). Для этого необходимы ресурсы, желание, точное понимание планируемой цели (*В политике хотят видеть начальника. В то же время хотят видеть некоего друга, когда человек начинает проявлять заботу о народе* (м., молодежный лидер)), компетентность в области управления и способность / готовность использовать знания экспертов и опираться на них (*...политики должны быть компетентными, умеющими принимать управленческие решения, которые эффективными являются, которые достигают своей цели основной, это, соответствен-*

но, те решения, которые должны быть, в том числе, основаны на экспертном знании. Отсюда обращение и к научным исследованиям, междисциплинарным исследованиям, исследованиям в области общественных наук (ж., ученый)).

Наконец, была высказана точка зрения о необходимости для политика быть разносторонним, способным «работать» с разной аудиторией, в разных форматах, с разным эмоциональным настроем (*...политик должен соблюдать баланс. Он должен, наверное, предполагать определенного рода гибкость. В том, что он говорит. Взял сходил, например, к Морковину, что-то там поговорил, а потом на дебатах очень серьезные вещи говорит. То есть политик может быть многообразным и не должен скрывать это (м., ученый)).* При этом отмечалось, что политик должен говорить аудитории какие-то смелые, нестандартные вещи, как бы несколько соблазнять слушателей инсайдерской информацией (*Чтобы быть для молодежи интересным политически, нужна именно «территория свободы слова», где ты можешь сказать все, что нужно сказать. Вот это молодежь тянет к себе (м., молодежный лидер)).*

Определенным выходом для тех «маститых политиков», политических тяжеловесов, которые принципе не в состоянии сбросить личину высокого статуса и консерватизма, является привлечение на работу в свою администрацию на посты, связанные с взаимодействием с общественностью, молодых людей (*...молодым сотрудникам администрации будет гораздо проще находить общий язык с молодежью... Молодому чиновнику никто не будет запрещать после работы снять галстук и пойти в какой-нибудь рок-клуб, а там в процессе общения выяснять, какие насущные проблемы есть у молодежи. Но вот это, наверное, в плане омолаживания своего состава является основополагающим фактором (м., молодежный активист)).*

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы о состоянии политической идентичности российской молодежи. Исследование показало сохранение значительной группы молодежи с несформированной установкой политической идентичности, а также существенные противоречия между различными показателями политической идентичности.

Проведенное исследование может внести некоторый вклад в развитие дискуссии о соотношении рационального и экспрессивного начал в формировании политической идентичности. Показатели партийной идентичности и лояльности оказались на предсказуемо очень низком уровне. Хотя результаты исследования не могут отрицать участия действующих партий в формировании политических предпочтений и политической картины мира части российской молодежи, разительны отличия показателей партийной идентичности российской молодежи от гораздо более высоких показателей политических установок и ориентаций. Формирование кластеров политических установок и ориентаций российской молодежи происходит в решающей степени независимо от фактора политических партий. Вклад блогеров как лидеров общественного мнения в формирование политической идентичности молодежи может быть признан гораздо более существенным. Результаты исследования свидетельствуют о существующем дефиците институтов политической социализации в процессе формирования политической идентичности российской молодежи.

По результатам исследования выявлены конкретные очертания неомогенности показателей политической идентичности в различных возрастных подгруппах поколений z и y . Дальнейшие исследования позволят выявить, насколько эти различия объясняются внутривозрастными или возрастными факторами.

O.V. Popova, N.V. Grishin *
**Political identity of Russian youth in self-
and experts' assessments¹**

Abstract. The article presents the results of a comprehensive analysis of such a significant element of the collective consciousness of Russian youth as political iden-

* **Popova Olga**, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); INION (Moscow, Russia), e-mail: pov_64@mail.ru, o.popova@spbu.ru ; **Grishin Nikolai**, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); INION (Moscow, Russia), e-mail: nvgrishin@mail.ru

¹ The study was carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research within the framework of the research project N 122101100043-9 «Political Trust of Russian Youth: Formation Mechanisms, Current State, Trends, Systemic Risks».

tity. The authors share the conventional understanding of political identity as attributing oneself to certain political views, parties, politicians and public opinion leaders, as well as certain ideological values. The article leverages the data from online survey of Russian youth and expert survey of scientists, political authorities, and political youth activists and leaders conducted in October–November 2022. The mass online survey was accomplished in the online questionnaire mode, while conducting an expert survey, the method of non-standardized interview was applied to collect information, as well as the method of discourse analysis was used for processing. The study reflected the persistence of a significant group of young people with an unformed set of political identity, as well as the inhomogeneity of indicators of political identity in different age subgroups of generations z and y. In modern conditions, political parties as identification objects are unattractive to young people by contrast with bloggers and public opinion leaders. Russian youths party identity rates are significantly lower than ones of political attitudes and orientations. The demand of young people for the value of justice, which is combined in their minds with the values of freedom and human rights, remains extremely high. The results of the study indicate a deficit of political socialization institutions in the process of forming the political identity of the Russian youth.

Keywords: youth; Russia; political consciousness; political identity; self-assessment of political views; empirical research; expert assessments.

For citation: Popova O.V., Grishin N.V. Political identity of Russian youth in self-assessments and experts' assessments. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 140–162. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.06>

References

- Achen C., Bartels L. *Democracy for realists. Why elections do not produce responsive government*. Princeton: Princeton university press, 2016, 424 p.
- Aleksandrova Yu.A. Political trust as a managerial resource in the system of socio-political relations of modern Russia. *Legal culture*. 2017, N 3 (30), P. 50–57. (In Russ.)
- Barreche S. Mind the Gap! On the discursive construction of collective political identities. *Punctum*. 2020, N 6 (2), P. 11–27. DOI: <http://www.doi.org/10.18680/HSS.2020.0019>
- Boix C. The emergence of parties and party systems. In: Boix C., Stokes SC. (eds). *The Oxford handbook of comparative politics*. Oxford: Oxford university press, 2007, P. 499–521.
- Chen S., Urminsky O. The role of causal beliefs in political identity and voting. *Cognition*. 2019, N 188, P. 27–38.
- Djuyandi Y., Ramadhani R. The effectiveness of political identity in post 212 movement. *Central European journal of international and security studies*. 2020, N 13 (4), P. 456–468.
- Grishin N. The state identity policy: a new bet in the political struggle? *Tomsk State university journal of philosophy, sociology and political science*. 2020, N 55, P. 231–239. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/55/23> (In Russ.)

- Guest G., Bunce A., Johnson L. How Many Interviews Are Enough? *Field Methods*. 2006, Vol. 18, N. 1. P. 59–82. DOI: <https://doi.org/10.1177/1525822X0527990>
- Hernández-Lagos P., Minor D. Political Identity and Trust. *Quarterly journal of political science*. 2020, N 15 (3), P. 337–367. DOI: <http://dx.doi.org/10.1561/100.00018063>
- Huddy L. From social to political identity: a critical examination of social identity theory. *Political psychology*. 2001, N 22 (1), P. 127–156.
- Kahn D.T., Reifen Tagar M., Halperin E., Bäckström M., Vitriol J.A., Liberman V. If They can't change, why support change? Implicit theories about groups, social dominance orientation and political identity. *Journal of social and political psychology*. 2018, N 6 (1), P. 151–173. DOI: <http://www.doi.org/10.5964/jssp.v6i1.752>
- Kim C., Han D., Duhachek A. Political identity, preference, and persuasion. *Social influence*. 2018, N 13 (4), P. 177–191. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/15534510.2018.1518786>
- Liu X. Interviewing Elites: Methodological Issues. Confronting a Novice. *International Journal of Qualitative Methods*. 2018, Vol. 17. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1177/1609406918770323>
- Meléndez C., Rovira Kaltwasser C. Political identities: the missing link in the study of populism. *Party politics*. 2019, N 25 (4), P. 520–533. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/1354068817741287>
- Mosley L. (ed.) *Interview Research in Political Science*. Cornell University: Cornell Paperbacks, 2013. 301 p.
- Nieuwenhuyse K., Wils K. Historical narratives and national identities. A qualitative study of young adults in Flanders. *Journal of Belgian history*. 2015, Vol. XLV (4), P. 40–73.
- Popova O.V. The Matrix of state identity in the post-truth era. In: Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. (eds). *Time for big changes: politics and politics: proceedings of the all-Russian scientific conference*. Moscow: RUDN, 2017, P. 291–292. (In Russ.)
- Popova O.V., Lagutin O.V. Political moods of youth: loyalty or protest? *RUDN journal of political science*. 2019, N 21 (4), P. 599–619. DOI: <http://www.doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619> (In Russ.)
- Roberts K. Populism and political parties. In: Rovira Kaltwasser C., Taggart P.A., Ochoa Espejo P., Ostiguy P. (eds). *The Oxford handbook of populism*. Oxford: Oxford, 2018, P. 287–304.
- Rose R., Mishler W. Negative and positive party identification in post-communist countries. *Electoral studies*. 1998, N 17 (2), P. 217–234.
- Slocum-Bradley N. Identity construction in Europe: a discursive approach. *Identity*. 2010, N 10 (1), P. 50–68.
- Smorgunov L.V. Political identity and the concept of the political. *Polis. Political studies*. 2012, N 6, P. 178–185. (In Russ.)
- Soest Ch. von, Why Do We Speak to Experts? Reviving the Strength of the Expert Interview Method. *Perspectives on Politics, First View*, 2022, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1537592722001116>.

Литература на русском языке

- Александрова Ю.А.* Политическое доверие как управленческий ресурс в системе общественно-политических отношений современной России // Правовая культура. – 2017. – № 3 (30). – С. 50–57.
- Гришин Н.В.* Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 231–239. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/55/23>
- Попова О.В.* Матрица государственной идентичности в эпоху постправды // Время больших перемен: политика и политики: материалы Всероссийской научной конференции / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: РУДН, 2017. – С. 291–292.
- Попова О.В., Лагутин О.В.* Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21, № 4. – С. 599–619. – DOI: <http://www.doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619>
- Сморгунов Л.В.* Политическая идентичность и понятие политического // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 178–185.